?????????? ????? ????? ??????????

О новом нобелевском лауреате Ласло Краснахоркаи

Нобелевским лауреатом по литературе 2025 года стал венгерский прозаик Ласло Краснахоркаи. Две его крупные работы переведены на русский язык, но, кажется, до сих пор не были у нас как следует прочитаны. Владимир Максаков решил исправить это недоразумение — и обратился к историческому измерению его романов.

Ласло Краснахоркаи — один из самых образованных современных писателей. В своих интервью и эссе он охотно говорит о тех, кто повлиял на его творчество, в том числе и о философах XX века. В каком-то смысле, возможно, это служит прикрытием, чтобы меньше говорить о себе и больше о других, — но дело не только в этой маске. Творчество нового нобелевского лауреата в высокой степени концептуально и может быть прочитано в русле современного исторического романа.

Почти очевидно, что Краснахоркаи описывает опыт жизни в социалистической и постсоциалистической Венгрии. Рискнем сделать из этого предположения некоторые выводы. Во-первых, речь идет о важной концепции разочарования, связанного с подавлением революции 1956 года. Во-вторых, о так и не построенной утопии, которая, не сумев воплотиться в жизнь, превращается в свою противоположность.

Почти общим местом среди теоретиков общественных процессов стали слова о трагическом характере любой революции, буквально по определению, что, в общем, понятно — ведь речь идет о сломе одного социального порядка и приходе на его место другого, а это всегда травматично. Но на этом фоне подавленная революция — революция, которой не случилось, — можно сказать, трагична вдвойне. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в ее тени, в рефлексиях о событиях 1956 года существовала вся венгерская литература второй половины XX столетия — и это верно даже для венгерского соцреализма, которому предписано было изображать «фашистский» характер «бунта».

Сложнее обстоит дело с социалистической утопией. То, что ее не удалось построить, а главное, что еще на полпути вера в нее оказалась утрачена, идеалы уступили место компромиссам, действительно превращает ее в свою противоположность: неслучайно (квази)социалистический строй в венгерской литературе описывается как прежде всего едва ли не депрессивный. Формируется что-то вроде соцреалистического канона наоборот, с которым в основном и работает современный венгерский классик. С одной стороны, канон служит ему поводом для глубокой исторической рефлексии и критики, с другой — открывает пространство (исторического) воображения.

В двух его переведенных на русский — и прекрасно переведенных — романах, «Сатанинское танго» и «Меланхолия сопротивления» (название последнего особенно не случайно: сама попытка сопротивляться по определению меланхолична), повествование начинается с того, что в жизни героев относительно недавно произошло некое событие, ставшее для них катастрофой, после которой они уже не могут не то что жить полной жизнью, но и просто адекватно воспринимать реальность. Думается, что под этой катастрофой и понимается подавленная властями революция.

Может быть, эти как бы исторические романы Краснахоркаи — антиутопии? Если и так, то не в классическом смысле — никакого особого ужасного тоталитарного режима, подавляющего железной рукой жителей своей страны, в его текстах в строгом смысле нет. Но следы и приметы тоталитаризма не просто разбросаны в них здесь и там, но и в значительной степени влияют на жизнь персонажей. Время от времени в мире романов Краснахоркаи появляется какой-нибудь вождь, который хочет вести за собой людей, причем сами они почему-то накладывают на себя добровольные ограничения и даже не думают о том, чтобы по крайней мере куда-нибудь сбежать (да и кажутся для этого слишком напуганными). Сложно уйти от впечатления, что их преследуют некие неведомые силы, в которых, однако, угадываются всемогущие органы государственной безопасности.

Есть еще одна черта, не позволяющая назвать «Сатанинское танго» и «Меланхолию сопротивления» классическими антиутопиями: в обоих романах не происходит того, что можно было бы называть пробуждением сознания героя, когда он в какой-то момент внезапно осознает, что живет в неправильном мире, в котором необходимо что-то менять. Другими словами, персонажи текстов Краснахоркаи не воспринимают происходящее вокруг них как что-то ненормальное, но это только подтверждает наше предположение: ведь именно таковым было отношение большинства жителей стран Восточного блока к своим режимам. То есть изображение социальной психологии, конфликтов (или их отсутствия) и фигуры вождя в текстах Краснахоркаи оказывается куда более историчным, чем обычно думают читатели. Уже отмеченный (квази)социалистический опыт описывается в терминах антиутопии. Прошлое время в романах нобелевского лауреата весьма условно, оно как бы не целиком прошедшее. Создается особый хронотоп такой антиутопии: она находится не в возможном будущем, а в возможном (виртуальном) прошлом, которое еще живо и «не решено». И реалии стран соцлагеря узнаются именно как черты антиутопии.

Можно возразить, что по меркам стран Восточного блока Венгрия жила относительно неплохо, но думается, что роль «витрины» социализма для Западной Европы не могла не вызывать горькой иронии у Краснахоркаи. Эта ирония и создает то странное ощущение антиутопичности окружающего мира, которым пронизаны почти все произведения писателя: разочарование в идеалах, серость, тусклость, отсутствие надежд на перемены к лучшему, зацикленность эпохи на самой себе.

Еще один аспект историчности связан с категориями времени и места в романах Краснахоркаи. Они во многом условны, хотя и далеко не всегда. Как правило, местом действия у него служит маленький городок (так и хочется сказать: поселок городского типа), расположенный вдали от неназванной столицы или крупного центра, в которых может угадываться Будапешт или любой другой большой город. Автору важно подчеркнуть

как его присутствие в сознании героев, так и нежелание или даже невозможность туда попасть. Эта дистанция, за которой скрываются властные отношения, тоже может быть названа чертой антиутопической: персонажи Краснахоркаи словно брошены на произвол судьбы и не знают, что им делать со своей жизнью. Понятно, что в такой ситуации им ничего не стоит стать жертвой первого встречного — то ли обманщика, то ли спасителя, например Иеремиаша из «Сатанинского танго», самого яркого героя такого типа, пусть и он не так однозначен.

Вообще пространство слухов, недомолвок и домыслов, более или менее откровенного вранья и предположений невероятно важно для венгерского писателя — в его романах оно создает особую реальность, в которую погружены персонажи. Эта почти всеобъемлющая недостоверность искажает в том числе самые, казалось бы, простые смыслы и калечит любые человеческие отношения. Возможно, перед нами очередная метафора, описывающая то, как работает на окраинах исходящая из центра пропаганда.

Появившийся в «Сатанинском танго» Иеремиаш вроде бы прежде считался погибшим. Возможно, этот слух просто был неверен. Но если он и правда воскрес, то такое объяснение вводит исторический роман Краснахоркаи в эсхатологическое измерение: ключевое событие мировой истории уже произошло, просто остальные персонажи об этом еще не знают. Вдруг наступившее будущее меняет всю привычную систему координат: теперь разрешено то, что было запрещено, и старые законы больше не имеют силы. В этом перевернутом мире сама эсхатология приближается к утопии, а главное, становятся возможны или великий обман, или великая надежда для последователей Иеремиаша (в его образе трудно не узнать типичного предводителя фанатичной секты — правда, мы так до конца и не понимаем, что движет его поступками). Получается, что в «Сатанинском танго» революционная утопия может прочитываться с эсхатологической точки зрения как конец старого мира. Вот только не факт, что ему на смену придет какой-то новый мир.

Наверное, читатель уже догадался, что мы подводим его к мысли о великом и ужасном бахтинском карнавальном смехе, направленном на «смену миропорядков». Напомню, что, согласно теории классика, карнавал возникает на переломе исторических эпох, от Средневековья к Возрождению, это народный смех, направленный на то, чтобы «остранить» мировую историю и тем самым сделать ее более приемлемой, выносимой, и в нем слышатся и раскаяние, и страх:

> «В акте карнавального смеха сочетаются смерть и возрождение, отрицание (насмешка) и утверждение (ликующий смех). Это глубоко миросозерцательный и универсальный смех. Такова специфика амбивалентного карнавального смеха».

Макабрическая карнавальность сюжетов, тем и текстов Краснахоркаи уже давно стала почти что общим местом в посвященных ему работах критиков и литературоведов. Но дело в том, что в условиях безвременья, которое он так убедительно описывает, в каком-то смысле теряется самый предмет карнавального смеха: неясно, над чем именно следует смеяться.

От карнавала остается только оболочка. И это соответствует его пониманию у Бахтина: карнавал ничего не меняет в социальном плане, это чистая игра, но при этом указывает на возможность, потенцию иного порядка.

Возможно, слова о «мировоззрении» писателя в случае Ласло Краснахоркаи не звучат слишком громко: в его текстах прошлое актуально — и агрессивно актуально, пока о нем думают в режиме необходимости (произошло то, что должно было произойти), а не возможности (то, что могло и, значит, еще может произойти иначе). И это мостик, пожалуй, к самому «историческому» его роману с жутковатым названием «Война и война» (отсылка к Толстому очевидна, недаром новый нобелиат — знаток и ценитель русской литературы, вот только никакого «мира» после этой войны не наступает). В центре этого повествования, местами напоминающего плутовский роман, — «разумеется, рукопись» (как сказал бы Умберто Эко), которую кто-то пытается украсть, а кто-то спасти. Рукопись, обладающая важным свойством: правильное ее чтение, по слухам, способно приостанавливать войны. Конечно, эта метафора сколь не случайна, столь и трагична: как будто если для описания войны изобрести некий единственно подходящий для этого язык, то открывшаяся в тексте реальность так ужаснет людей, что они тут же перекуют мечи на орала и надолго забудут про войну.

Это важное размышление об истории, если воспринимать историю как текст, который пишется судьбами живых людей: иногда вместо памятования необходимо забвение, чтобы попробовать начать в буквальном смысле с чистого листа. Бесконечная война, к сожалению, неизбежна, пока люди о ней помнят. Реальность подражает историческому тексту.

Благодарю своего друга Анатолия Корчинского за прояснение и уточнение многих мыслей в этом тексте.

Revision #2
Created 17 December 2025 11:38:40 by Anton
Updated 17 December 2025 11:41:54 by Anton